

не посылать; на орду нет надежды, а тут, в Украине, стоят хорошие московские войска, в Белой Руси хотя и дурные, но много их".

Думается, что Кочубей все же преследовал одну-единственную цель – добиться гетманской булавы, даже таким способом и, добавим, даже в такое время. Напомним, что после первого доноса, который царем был проигнорирован, последовал второй донос в начале 1708 года. До открытия старшине своих намерений оставалось немногим более полугода. Но уверенность в необходимости такого шага, как переход к шведскому королю видимо, у гетмана уже созрела. Возникает вопрос, почему Мазепа был уверен в победе шведского оружия, а Кочубей – нет? Ответ здесь может быть таким: старый гетман был лучше информирован, лучше знал обстановку внутри и вне Гетманщины, учитывал и намерения оппозиции самому царю в его царском ближайшем окружении. Возможно, следует обратить внимание еще на один фактор, которому мало уделяется внимание – гетман быстро старел, его мучили болезни, поэтому естественно возникал вопрос о преемнике, в качестве которого сам Мазепа видел своего племянника А. Войнаровского. Каково это было слышать Кочубею и его жене? И генеральный судья, воспользовавшись отсутствием гетмана Мазепы (он был в Киеве на строительстве укреплений по приказу царя), принял окончательное решение: или сейчас или никогда. Поставивши на карту все, он проиграл, царь Петр и на этот раз не поверил ему, велел допрашивать с пристрастием, а после вырванных признаний и полного отречения от своих обвинений выдал гетману и Кочубею и другого доносчика – бывшего полтавского полковника Искру. Вообще говоря, их погубило не только одно несовпадение в показаниях, но, в первую очередь, абсолютное доверие царя Петра украинскому гетману Ивану Мазепе. 27 июля 1708 года казнь свершилась, обезглавленные тела мучеников были похоронены.